

Климат и кухня уезда Аньлэ были очень схожи со столицей Шэнду. Однако Ли Ан как-то упомянул, что в Аньлэ растет потрясающе красивый цветок под названием «Кашляющий кровью багрянец». Весной деревья там пышно расцветают, источая головокружительный аромат, а к началу лета, когда лепестки осыпаются, множество женщин собираются под кронами. Они бережно ловят цветы, промывают их в чистой воде, добавляют немного каменной пудры, толкут и используют получившуюся смесь для окрашивания тканей и ногтей.

На свитке, который принес Ли Ан, как раз был изображен этот «Кашляющий кровью багрянец».

— В начале цветения он нежно-розовый, почти белый, — рассказывал Ли Ан. — Но со временем цветок меняется: кажется, будто из самого его сердца брызнула кровь, окропив лепестки. Отсюда и пошло такое название.

Сюй Дофу посмотрел на рисунок в руках Ли Ана — вышло действительно очень наглядно.

— Ли Ан, а этим «Кашляющим кровью багрянцем» можно покрасить волосы? — Сюй Дофу так сильно раздирало любопытство, что он не удержался и выпалил этот вопрос.

Старший наставник Янь не стал его останавливать. Приглаживая бородку, он лишь с улыбкой поглядывал на учеников, ведь ему и самому было любопытно.

— А? — Ли Ан на мгновение опешил. — Зачем еще и волосы красить?

Никто никогда так не делал, поэтому он и сам не знал.

Да и кто в здравом уме станет красить волосы? Ведь тело, волосы и кожа дарованы нам родителями. Соклассники шутливо зашущукались, реагируя на слова Сюй Дофу, но тот лишь лучезарно улыбнулся и ответил:

— Скоро Новый год. Если мой папа разрешит, то никого больше это волновать не должно.

Ему ужасно хотелось покраситься в красный — как же это празднично!

Сидящий рядом Янь Хуайцинзнь слегка округлил глаза от удивления. Он повернул голову и пристально посмотрел на Сюй Дофу. Тот и правда загорелся этой мыслью!

Почувствовав на себе взгляд маленького соседа по парте, Дофу обернулся и поймал его потрясенный взор. Однако в следующую секунду Цзиньцинзнь снова принял свой обычный серьезный и строгий вид, напустив на маленькое личико крайнюю важность.

Сюй Дофу вдруг осенило: «Неужели я напугал Цзиньцинзня?»

Но тут же услышал, как маленький сосед негромко произнес:

— В твоих словах есть доля правды.

«О?» — Сюй Дофу изумился. Он придвинулся ближе и прошептал:

— Ты действительно готов это принять?

— А ты собираешься заставлять других красить волосы?

— Конечно же нет! — уверенно отрезал Сюй Дофу.

Он быстро уловил ход мыслей Цзиньцзиня. Какой же хороший этот ребенок! Он не только открыт для новых идей, но и уважает чужие предпочтения.

— На самом деле, я еще сам не уверен. Мне просто любопытно, какой именно оттенок получится от этого цветка. Ли Ан так красиво все расписал, неужели совсем не любопытно? Неужели не хочется проверить самому?

Янь Хуайцзинь на мгновение замер. Он читал много книг, в которых описывались удивительные, невиданные ранее вещи. Но он привык лишь созерцать их со страниц, и ему никогда в голову не приходило попробовать сделать что-то своими руками, чтобы увидеть все лично.

— Сюй Дофу, ты абсолютно прав.

— Ой, ну надо же, ты меня так хвалишь, что мне аж неловко стало, — Сюй Дофу нашел это ужасно забавным.

Когда маленький сосед так чинно и серьезно расточал похвалу, это выглядело невероятно мило.

Ли Ан закончил свой рассказ и, возвращаясь на место, тоже немного погрузился в свои мысли. Об этом цветке он только вчера услышал от бабушки. Когда она рассказывала, ее лицо светилось улыбкой. Она самолично взялась за кисть и нарисовала для него цветок, а потом велела няне принести шелковый платок.

Бабушка нежно погладила шелк и с легким вздохом произнесла: «Выцвел... А когда только покрасили, был таким ярким. Что поделать, старость».

Казалось, бабушка говорила о «Кашляющем кровью багрянце», но в то же время — о своей ушедшей юности.

Следующим выступал Янь Кай. Он открыл коробку для еды, внутри которой лежали пирожные зеленого цвета. И от этих пирожных его рассказ плавно перешел к родным краям...

Сюй Дофу слушал его и попутно дополнял свою карту. Семья Янь Кая жила к западу от реки Фуцзянь — прекрасное место, окруженное горами и реками. Еда там была довольно пресной, острую пищу почти не употребляли. Местные жители занимались шелководством, разматывали коконы, поэтому край славился своим шелком.

Пирожное, которое он принес, было рисовым лакомством «мигао». Особые листья, растущие только на его родине, отваривали в воде, процеживали, а затем смешивали с рисом и толкли в однородную массу, после чего варили на пару. На вкус оно обладало легким, едва уловимым свежим ароматом, а если хорошенько прожевать, то в послевкусии оставалась едва заметная горчинка.

Дедушка Янь Кая очень любил это угощение, приговаривая, что легкая горчинка — это хорошо, в ней есть свой особый вкус. Каждый год он специально заказывал его у странствующих торговцев. Сам Янь Кай раньше не жаловал это лакомство, считая, что после него во рту остается неприятная горечь; ему куда больше нравились сладости с добавлением коровьего молока и меда.

Сюй Дофу даже перепал один кусочек.

Вообще-то Янь Кай уже собирался закрыть крышку коробки после своего рассказа, но старший наставник Янь благодушно предложил:

— Почему бы не угостить сослассников, чтобы они тоже вкусили прелесть твоих родных мест?

О! Сюй Дофу среагировал быстрее всех. Сидя на первой парте, он вздернул руку выше всех и умудрился заполучить один кусочек. Он тут же разломил его пополам: одну половину протянул Цзиньцзиню, а вторую запихал себе в рот и невнятно пробормотал:

— Цзиньцзинь, ешь.

Его маленький сосед был слишком скромным и строго воспитанным, ему наверняка было бы неловко просить угощение у малознакомого сослассника.

Зато самому Дофу было ни капли не стыдно! Хе-хе.

Наконец-то он попробовал пирожное Янь Кая!

Когда кусочек растаял во рту, действительно осталась легкая горчинка. Сюй Дофу подумал о том, что дедушка Янь Кая уже бог весть сколько лет жил в столице Шэнду вслед за своим сыном. На старости лет пожилых людей неизменно настигает тоска по родине — то самое щемящее чувство, когда падающие листья стремятся вернуться к своим корням.

Должно быть, через еду он пытался воскресить в памяти родной дом.

— Кто следующий? — спросил старший наставник Янь, доев свое пирожное.

Сюй Дофу тут же взметнул руку. Раз уж наступил «урок географии» от наставника Яня, он тоже решил проявить усердие и блеснуть знаниями. Главным образом потому, что на уроках наставника Ху он вообще никак не мог соперничать со способными учениками — сердце заядлого двоечника там просто разрывалось от тоски. Но сейчас к двоечнику снова вернулась былая уверенность!

— Ну, тогда пусть отвечает Сюй Дофу.

Сюй Дофу взял свою сложенную в несколько раз стенгазету и вышел к доске. Став перед классом, он принялся разворачивать свое творение, собираясь его повесить... но повесить не получилось, так как у газеты не было деревянного свитка-валика.

— Что ж, тогда я подержу ее сам, а вы все смотрите сюда, — Сюй Дофу начал свое «художественное представление». — Сегодня я расскажу вам об округе Учжоу. Вы все наверняка слышали это громкое имя, но бьюсь об заклад, понятия не имеете, где этот Учжоу находится.

Весь класс действительно слышал это название. Нынешний Император в прошлом как раз носил титул князя Учжоу.

Никто не ожидал, что Сюй Дофу выберет темой именно Учжоу. Кое-кто из учеников пренебрежительно скривил губы, сочтя Сюй Дофу расчетливым хитрецом, который намеренно пытается выслужиться перед Государем. Откуда родом был его приемный отец Сюй Сяомань, они не знали, но уж точно не из Учжоу.

Однако большинство сослассников все же разжег чистый интерес. Работа Сюй Дофу в миг

захватила их любопытство.

Они и впрямь знали только о князе Учжоу, но ничего не ведали о самом округе.

— Учжоу находится к северу от Шэнду, строго на север. Место это крайне глухое и далекое, там сплошные горы и дремучие леса, а земля по большей части бесплодная — сплошные камни, перемешанные с сорной травой и скудной растительностью, — Сюй Дофу прижал один край стенгазеты подбородком, увлеченно жестикулируя руками. — Если мы сейчас отправимся из Шэнду на север на повозках и лошадях, то добираться до Учжоу придется примерно месяца два.

Старший наставник Янь заметил на помятом листе бумаги несколько искусно выведенных тушью горных пейзажей. Очевидно, эти штрихи принадлежали вовсе не руке Сюй Дофу. А вот нарисованные рядом корявые ветки деревьев... ну, это ведь должны быть ветки?.. Вот это как раз и было художеством самого Дофу...

«Император так сильно любит своего сына, истинное сердце любящего отца».

— Двенадцать лет назад в Учжоу стояла ранняя зима. Зимы там длинные, длятся добрых два с лишним месяца, причем из них целый месяц может беспрестанно валить снег. И вот на улице жил один маленький нищий мальчик. Был ли он похищен торговцами людьми или просто потерялся, он и сам толком не знал...

Стоявший за дверями зала Ван Юаньюань выпрямился. Он никак не ожидал, что маленький Дофу начнет свой рассказ именно с него. Слушая эти слова, он почувствовал, как у него слегка защемило в носу и повлажнели глаза...

История, которую рассказывал Сюй Дофу, была очень простой. Начав с судьбы евнуха-помощника Ван Юаньюаня, он поведал о том, какую жизнь в те времена владели простые жители Учжоу. Сам Ван Юаньюань не любил распространяться о былых невзгодах, но вчера вечером глава Восточной палаты и Император знатно перебрали хмельного и сами завели об этом разговор.

Мальчик не стал вдаваться в политические интриги, а разложил все с точки зрения трех простых вещей: еды, одежды и жилья обычных людей.

— Зимой для обогрева нужен уголь. Древесный уголь стоил пятьдесят медных монет за одну меру-чэн, а каменный уголь — восемьдесят монет за чэн. Если же говорить о первосортном угле, который не дымит, то он стоил еще дороже. Вы все сейчас наверняка подумаете: «Подумаешь, всего пятьдесят монет, что тут дорогого?»

А ведь одна мера-чэн — это примерно пятнадцать-шестнадцать цзиней.

— Учжоуские бедняки, у которых еще оставались свои клочки земли, на всю семью из шести человек — включая покупку ткани на одежду и соли на еду — тратили в год около одного ляна серебра. А те, кто умел экономить, обходились и половиной ляна.

— Но с наступлением зимы людям приходилось покупать древесный уголь. Зима в Учжоу долгая, в самые суровые морозы черепица на крышах от стужи трескалась. Чтобы согреться и выжить, люди покупали уголь, но не жгли его целыми днями напролет — растапливали очаг только тогда, когда холод становился совершенно невыносимым.

— И только на то, чтобы пережить зиму и не умереть от холода, в месяц уходило как минимум

пол-ляна серебра.

Обычно крестьяне экономили на всем, на чем только можно, но зимой, когда речь заходила о жизни и смерти, им оставалось лишь, скрепя сердце, отдавать последние деньги за уголь.

— В обычные дни для готовки и обогрева можно было набрать хвороста, купить сухих дров (они стоили дешево) или же жечь оставшуюся на полях солому и стебли пшеницы. Но зимой торговлю углем и дровами полностью прибирали к рукам определенные люди, которые наживались на этом.

В те времена местные заправилы знатно набивали себе карманы на зимней нужде.

Кое-кто из сидевших в классе учеников слушал это с явным нетерпением. Подумаешь, какая-то мера угля, всего несколько десятков медных монет! И Сюй Дофу вытащил эту нищету на всеобщее обозрение, какая убогость. Слыхали, что его отец подобрал его среди бродячих нищих и беженцев, неудивительно, что он обожает разглагольствовать о подобных вещах.

В самой его крови течет натура неотесанного, низкопробного отребья.

Разумеется, некоторым сокласникам история показалась довольно занятной, ведь они отродясь не слышали и не видели, как живет простой люд на самом дне, так что они слушали это просто как забавную сказку. Были и те, кто невольно проникся рассказом; их взгляды, устремленные на Сюй Дофу, стали гораздо серьезнее.

Янь Хуайцзинь, к примеру, слушал чрезвычайно внимательно, его строгое маленькое личико застыло в глубоком раздумье.

Он проделал долгий путь вслед за своим дядей до самой столицы Шэнду. Их расходы на еду и одежду, конечно, не шли ни в какое сравнение с домашними, и слуга Линь постоянно сокрушался, мол, четвертый молодой господин так натерпелся в пути, так устал в дороге. Но теперь, слушая рассказ Сюй Дофу, мальчик понял: его собственное путешествие нельзя было назвать даже мало-мальски тяжелым.

Жизнь простого народа полна истинных невзгод.

— Еды тоже было мало, в некоторых местах земля вообще не годилась для зерновых, потому что в почве было слишком много песка и камней. Чем дальше на северо-запад, тем хуже. Стоило наступить зиме, как на дорогах и в городах то и дело находили замерзших насмерть людей, и сирот-попрошаек среди них было без счета.

Чжоу Цюань нахмурился. Он даже представить себе не мог, как тамошний люд выживал зимой. Это наверняка была ужасающая, полная страданий картина, просто кошмар.

— Если бы все оставили как есть, людей в округе становилось бы все меньше и меньше. Но затем князь Учжоу издал указ: разводить овец! — когда Сюй Дофу дошел до слов «разводить овец», его голос так и зазвенел от восторга.

Наконец-то он добрался до своей самой любимой темы — баранины!

— Я как раз вчера ел запеченного целиком ягненка! Помощник Чжао говорит, что столичные овцы ни в какое сравнение не идут с учжоускими, мол, те гораздо нежнее и сочнее. Но как по мне, вчерашний ягненок уже был неопиcуемо вкусным!

— Папа рассказывал, что в Учжоу, когда после суровых холодов и твердой, как камень, земли наконец тает снег, весной трава начинает расти как безумная. Из каменистой, усыпанной галькой почвы в один миг пробиваются сочные зеленые побеги. И тогда деревенские жители выгоняют на пастбища целые отары маленьких ягнят, которые с веселым блеянием разбредаются щипать траву.

— Позже, когда овец стало много, выпас скота переложили на плечи деревенских ребятишек. Дети собирались шумными гурьбами и уходили со стадами, валяясь на зеленых склонах холмов. А взрослые в это время занимались выделкой шкур, чтобы выгодно продать их, либо шили из них овчинные тулупы и шапки. Из шкур похуже делали ковры, которыми укрывались зимой для тепла.

В глазах старшего наставника Яня промелькнула тень искреннего удовлетворения. Он легко мог представить эту картину: в самом начале овцы были для крестьян драгоценным имуществом, прямо как буйволы для жителей озерных краев, и взрослые с величайшим рвением сами пасли их. Но со временем поголовье выросло настолько, что пасти стада доверили детям.

Это наглядно доказывало, что жизнь народа в Учжоу стала куда лучше прежней.

— Как только наступала зима, учжоуские крестьяне забивали овец. Лучшие части туши увозили в город, чтобы выменять на зерно, а оставшиеся кости и обрезки съедали сами. Больше всего они любили варить наваристый суп: бросали кости вместе с белой редькой в чан с чистой водой и варили огромный котел. Бульон получался белым-белым, туда добавляли самую малость соли — и один глоток этого супа мгновенно разливал по телу живительное тепло! Мясо выходило нежнейшим, а бульон — невероятно наваристым. Иногда в этот же котел бросали охапку домашней лапши.

Кое-кто из учеников в классе шумно сглотнул слюну.

— А те семьи, что побогаче, лакомились запеченной бараниной. Мясо на ребрышках там такое нежное, совсем без постороннего запаха, его посыпают острым перцем и молотым зировым порошком... — Сюй Дофу сам невольно сглотнул слюну. Ну что за прожорливое создание, сам же и попался на свой рассказ! — Когда эти ребрышки запекаются, они прямо сочатся ароматным жиром, покрываясь хрустящей корочкой, а внутри оставаясь мягкими. Мясо само с легкостью отделяется от кости. Откусываешь кусочек — а внутри оно еще такое розоватое, нежное-нежное, и во рту прямо тает, взрываясь ароматом бараньего жира, жгучего перчика и пряной зиры...

Старший наставник Янь, который поначалу слушал о невзгодах учжоуского люда с весьма суровым и одновременно тронутым видом (ведь Сюй Дофу проявил сострадание к нуждам народа, обнаружив доброе и милосердное сердце, а что до посредственных успехов в учебе — так это дело наживное, научим), никак не ожидал такого резкого поворота сюжета.

Сюй Дофу принялся с таким упоением расхваливать всевозможные способы приготовления баранины, что...

Старший наставник Янь: «...» К концу рассказа он и сам почувствовал, как в животе предательски заурчало от голода. Наставник не выдержал и тихо рассмеялся. Ладно уж, Сюй Дофу еще совсем мал, торопиться некуда.

Тем временем весь класс сидел и дружно пускал слюни.

— ...На этом у меня все, всем спасибо за внимание!

Янь Хуайцзинь со всей серьезностью произнес:

— Отлично.

Когда Сюй Дофу вернулся на свое место, на его лице все еще читалось легкое сожаление:

— Жаль, запеченного ягненка нельзя было с собой принести.

— Ты так рассказывал, что у меня аж в животе заурчало. Неужели учжоуская баранина и правда настолько вкусная? — спросил Ли Ан.

Сюй Дофу авторитетно заявил:

— Невероятно вкусная!

Сам он, строго говоря, учжоускую баранину еще в глаза не видел, но почему-то, когда заводил о ней речь, перед глазами вставали такие живые картины, словно он сам лично вкушал это яство. Расписал так, что у самого слюнки потекли.

К доске по очереди стали выходить другие ученики, и Ли Ан, выпрямившись, прекратил болтовню. До этого он подал голос во время урока только потому, что Сюй Дофу так сочно описал баранину, что парень просто не сдержался. К счастью, старший наставник Янь не стал делать ему выговор. А Сюй Дофу тем временем взялся за кисть и принялся увлеченно дополнять свою карту.

Свое первое осязаемое представление о географии империи Великая Шэн он получил именно из уст соклассников.

И пусть эти сведения были далеко не полными, зато теперь у него в голове выстроились примерные направления сторон света. А самое главное — эта карта получилась невероятно детальной и превратилась в самую настоящую, живую «карту деликатесов». Это было ужасно весело!

Наконец очередь дошла до маленького соседа. Сюй Дофу принялся изо всех сил выражать ему поддержку. Боясь, что маленький сосед из-за своего нежного возраста разнервничается перед классом, он принялся усердно его подбадривать:

— Ты справишься! Не бойся! Не нервничай!

— Цзиньцзинь, жми!

И Дофу звонко хлопал в ладоши.

На обычно строгом и не по годам серьезном лице Янь Хуайцзиня проступил едва заметный нежный румянец.

Вместе со своим дядей он объездил множество управлений и уездных казенных училищ. Когда дядя читал лекции, мальчик неизменно сидел подле него, а перед ними собирались сотни, а то и тысячи слушателей, но он никогда в жизни не испытывал ни капли волнения.

Однако... Сюй Дофу так искренне пытался его подбодрить. Дофу ведь просто не знал, что тот совсем не умеет бояться сцены.

Янь Хуайцзинь на мгновение немного отстраненно подумал: «Когда Сюй Дофу выходил отвечать, я ведь совсем не поддержал его. В следующий раз нужно непременно исправиться».

Именно так и должны поступать настоящие друзья.

Несмотря на то, что маленький сосед был совсем крохой, держался он на удивление спокойно и уверенно. Более того, он докладывал вообще без каких-либо записей, наизусть — вот же силен!

Сам Сюй Дофу был полной его противоположностью: мало того, что цеплялся за свою стенгазету, так еще и перескакивал с пятого на десятое. Но! Зато он умудрился соблазнить едой весь класс. Когда он спускался от доски, у всех поголовно текли слюнки.

Хе-хе.

Сюй Дофу попутно делал записи в тетради, не забывая мысленно превозносить как своего маленького соседа, так и самого себя, любимого.

Сами того не заметив, они услышали звон колокола, возвещающий об окончании занятий. Сюй Дофу впервые поймал себя на мысли, что ему даже как-то не хочется уходить с урока. Впрочем, когда старший наставник Янь объявил, что занятия окончены, мальчик все равно страшно обрадовался — ведь окончание уроков — это самое счастливое время на свете!

После того как старший наставник Янь и сопровождающие покинули класс, ученики вовсе не бросились спешно собирать сумки, чтобы разойтись по домам. Напротив, в них заговорил небывалый азарт.

Те, кто сегодня не успел выступить со своей домашней работой, судорожно наматывали на ус чужой опыт. Сейчас они улетали из класса со скоростью ветра, на ходу бросая товарищам:

— Вот увидите, завтра я тоже принесу вам кое-что вкусненькое!

Кто-то, проходя мимо парты Сюй Дофу, ехидно бросил:

— Подумаешь, запеченный ягненком его удивили. Будто мы его отродясь не ели.

— Вот и ешь, ешь, обожрись им целиком! Как по мне, ты сам на этого запеченного ягненка похож! — Сюй Дофу не стал церемониться с наглцом и во весь голос огрызнулся в ответ, да еще и прикрикнул: — Ты вообще из какой семьи будешь?!

Перепугавшись до смерти, обидчик мгновенно переменялся в лице и припустил прочь со всех ног.

Сюй Дофу: «...»

Эти отпрыски императорского рода и правда вечно напрашиваются на неприятности. Думают, наверное, что я остался прежним простофилей. Смеют еще язвить мне! Этот Наследный принц вам спуску не даст!

— Это мой двоюродный брат, — пояснил Ли Ан.

Сюй Дофу издал понимающее «о»:

— У тебя с ним хорошие отношения? — и, не дожидаясь ответа Ли Ана, тут же добавил: —

Сразу видно, что не особо. Этот тип сам первый полез, сущая дрянь. Ему с тобой не сравниться.

Ли Ан слегка улыбнулся. Его кузен носил фамилию Чжун. Раньше, когда наступали праздники, бабушка брала Ли Ана с собой на званые пиры, и там все поголовно превозносили и осыпали хвалой именно его кузена. Но в глазах Сюй Дофу подобные условности не имели совершенно никакого значения.

— Не будем о нем, — хотя отношения с кузеном у него были натянутыми, они все же оставались родственниками, и Ли Ану не хотелось раздувать из этого громкий скандал.

Сюй Дофу согласно угукнул. Он ведь даже не знал, как этого парня зовут. Мальчик бросил еще один взгляд на Ли Ана: тот на словах вроде и недолюбливал кузена, но когда Дофу спросил напрямую, даже имени его не назвал. Видать, и впрямь не хочет портить отношения окончательно.

Что ж, он проявит уважение к чувствам Ли Ана.

На самом деле, обменяться парой колких фраз — дело житейское, он и сам способен со всем разобраться, не прибегая к жалобам старшим.

Сюй Дофу мысленно заключил: «У Нас, в конце концов, весьма широкая душа, хе-хе».

— Ли Ан, а ты не мог бы разузнать у своих домашних, нет ли у вас случайно этого «Кашляющего кровью багрянца»? Можно ли его засушить и сохранить? — Сюй Дофу все еще продолжало распирает любопытство. — Ты ведь говорил, что он цветет только в начале лета, а у нас сейчас уже глубокая осень.

— Хорошо, — пообещал Ли Ан.

Ребята продолжали болтать, параллельно собирая свои учебные сумки. Чжоу Цюань внезапно объявил, что ему пора уходить: время уже позднее, а дома еще нужно повторить пройденное и засесть за уроки.

Сюй Дофу тут же вспомнил, что утром старший наставник Ху тоже надавал им кучу домашних заданий. Мальчик мгновенно запрокинул голову к небу и испустил протяжный, полный скорби вздох:

— Эээх-х-х~~~~

Этот его вздох был настолько жалобным и долгим, словно способен был еще три дня отдаваться эхом под сводами класса.

Чжоу Цюань и Ли Ан не выдержали и прыснули от смеха. Ли Ан предложил:

— Хочешь, я останусь и помогу тебе разобраться с сочинением?

Сюй Дофу на секунду заколебался, это было заманчиво, но...

— Давай лучше я помогу Сюй Дофу, — подал голос Янь Хуайцзинь. Совершенно серьезным тоном он добавил: — Мне все равно нужно дождаться дядю, так что я не тороплюсь.

Ли Ан вопросительно посмотрел на Сюй Дофу. Лицо Дофу тут же расплылось в широчайшей улыбке:

— Вы с Чжоу Цюанем идите, у меня ведь есть Цзиньцин.

— Ну ладно, — согласился Ли Ан.

Как только Ли Ан и Чжоу Цюань ушли, Сюй Дофу и Янь Хуайцин остались в классе, чтобы продолжить зубрежку.

Янь Хуайцин спросил:

— Ты не захотел, чтобы тебе помогал Ли Ан?

Сюй Дофу несказанно удивился тому, что его маленький сосед умудрился это заметить.

— Да нет, не то чтобы, — Сюй Дофу лениво листал книгу, попутно объясняя: — Мы с Ли Аном друзья, но тут есть одна странность... Стоит мне в чем-то нуждаться, как он тут же безоговорочно бросается мне помогать. Из-за этого мне становится как-то не по себе.

Ли Ан испытывал к нему слишком много благодарности, а Дофу к такому не привык. Наверное, это была его личная причуда.

— Мне бы хотелось, чтобы у Ли Аня было свое личное время и собственные увлечения. Если в один прекрасный день он ответит мне отказом, я буду только рад, — разоткровенничался Сюй Дофу.

Заметив, что в глазах маленького соседа промелькнуло явное непонимание, он тут же напустил на себя важный вид и глубокомысленно, прямо как взрослый, изрек:

— Ты еще слишком мал, тебе не понять~

Он даже протянул руку и слегка потеревил маленький пучок волос на макушке соседа.

Хе-хе. Удалось разок притвориться взрослым!

Поскольку Янь Хуайцин с самых малых лет отличался выдающимся умом, не по годам степенным характером и строгим нравом, после начала обучения он с каждым днем становился все более самостоятельным. Старшие в семье общались с ним точно так же, как со взрослым человеком. Но Сюй Дофу был слеплен совсем из другого теста — он упорно воспринимал Янь Хуайцина как самого обычного маленького ребенка.

И это... ощущалось совершенно иначе.

Янь Хуайцин опустил глаза, тихонько угукнув в ответ. Посмотрев на сияющее, веселое лицо Сюй Дофу, он ровным голосом произнес:

— Давай садиться за книги.

Сюй Дофу мгновенно перестал улыбаться: «...»

— Ты ведь это сейчас нарочно, да?

Уголки губ Янь Хуайцина едва заметно дрогнули вверх, и он выдавил короткое:

— Угу.

Сюй Дофу: «...»

Надо же, его маленький сосед с виду такой солидный и серьезный, а на поверку оказался тем еще злопамятным типом!

Это он так сейчас «отомстил» за то, что его потрепали за пучок волос. Ну раз уж им все равно предстоит зубрить, то почему бы не потребить этот пучок еще! Раз! И еще раз!

Сюй Дофу снова весело залыбился, глядя на Янь Хуайцзиня.

Янь Хуайцзиню и самому стало смешно. Он пододвинул к нему свою тетрадь с записями, сделанными от руки.

— Сравнивай эти две записи. Если что-то останется непонятным, спрашивай меня.

Сюй Дофу хоть и любил потянуть время, но домашку делать все равно было нужно, так что он послушно смирился со своей участью и опустил голову к тетради. Стоило ему бросить взгляд на записи Цзиньцзиня, как он тут же обомлел. Внимательно перечитав написанное, мальчик почувствовал, как его глаза восторженно округлились. Он резко повернулся к маленькому соседу и сгреб его в охапку, крепко задушив в объятиях.

— Янь Цзиньцзинь, какой же ты все-таки хороший!!!

Янь Хуайцзинь, оказавшись в столь внезапных и крепких объятиях Сюй Дофу, на мгновение совершенно растерялся. Что еще за «Янь Цзиньцзинь»? Поняв, что Сюй Дофу умудрился придумать ему такое ласковое домашнее прозвище, он не почувствовал никакого недовольства. Напротив, где-то в глубине души ему стало даже немного радостно. Плотно сжав губы, он со всей серьезностью пояснил:

— Ты не понимаешь эти статьи лишь потому, что в оригинальном тексте их суть изложена слишком витиевато, без прямой передачи смысла.

Сюй Дофу был тронут до глубины души. Его маленький сосед взял и перевел для него весь этот сложный вэньянь на самый обычный, понятный разговорный язык! Дофу просто не знал, какими словами выразить свою благодарность. Он выпустил маленького соседа из объятий, и ему ужасно захотелось чмокнуть его от избытка чувств пару раз... но он вовремя сдержался, дабы не напугать ребенка до икоты.

— Спасибо тебе огромное, Янь Хуайцзинь, — с величайшим почтением произнес Сюй Дофу.

Янь Хуайцзинь ответил:

— Сюй Дофу, мы ведь друзья. Тебе совершенно ни к чему церемониться.

— И все равно, поблагодарить надо, — Сюй Дофу улыбался до ушей. Внезапно вспомнив о кое-чем, он слегка наклонился и бесцеремонно подставил свою макушку прямо под нос маленькому соседу, великодушно объявив: — На, хватай! Мой пучок волос до этого разрешалось трепать только моему папе и дяде.

Да и Император-папа вечно умудрялся проделывать это втихаря, пока Дофу спал. Хм, думает, если я сплю, так ничего не замечаю, как бы не так!

Янь Хуайцзинь снова опешил, а затем не выдержал и негромко рассмеялся.

До чего же забавным был этот Сюй Дофу.

Что ж, раз предлагают, отказываться он не станет. Янь Хуайцзинь протянул свою маленькую ладошку и с предельной аккуратностью, даже с некоторым благоговением, слегка сжал пучок волос на голове Сюй Дофу. На его лице снова попыталась проступить улыбка, но он вовремя взял себя в руки и, вернув лицу строгое выражение, отчеканил:

— Пора за учебу.

— Хорошо-хорошо, как скажешь, во всем тебя слушаюсь, — Сюй Дофу мигом выпрямился и преданно уставился в книгу.

Имея перед глазами такой детальный перевод, разбираться в статьях стало в разы легче. Более того, в самом низу страниц маленький сосед заботливо приписал свои собственные мысли и выводы по поводу прочитанного...

Небо за окном стремительно темнело. В класс вошел слуга-сопровождающий, чтобы пригласить Янь Хуайцзиня на выход:

— Старший наставник Янь уже ожидает вас у дворцовых ворот.

Только тогда Сюй Дофу с ужасом обнаружил, что ворота дворца вот-вот закроют на засов. Он принялся лихорадочно сгребать вещи в сумку, попутно с невиданной ловкостью закидав и вещи маленького соседа. Закинув его сумку себе за спину, Дофу одной рукой крепко ухватил Цзиньцзиня за ладошку:

— Я провожу тебя!

Он ужасно испугался, что из-за его чтения Цзиньцзинь опоздает и не успеет вовремя покинуть дворец.

Официальным лицам, не имеющим специального высочайшего призыва, категорически запрещалось оставаться во дворце на ночлег. За подобный проступок можно было схлопотать наказание самого разного калибра — все зависело от того, как это преподнесут цензоры. В худшем случае могли обвинить в попытке посеять смуту во внутреннем дворце, усмотрев в этом неподобающее поведение и измену в сердце. Как только дворцовые ворота запирались на засов, их не открывали без прямого императорского указа.

— Хорошо, — послушно отозвался Янь Хуайцзинь, глядя на то, как Сюй Дофу тащит на себе его сумку и крепко сжимает его руку.

Сюй Дофу мчался во весь опор, попутно крича на ходу сопровождающему Ван Юаньюаню:

— Дядя Ван, я сначала провожу Цзиньцзиня!

— Ой, хорошо-хорошо, молодой господин, полегче, не бегите так, вы успеете! — кричал вдогонку Ван Юаньюань, едва поспевая за ними.

Сегодня маленький Дофу так зачитался, что напрочь позабыл о времени. Кто бы мог в такое поверить! Ван Юаньюаня так и распирало от гордости. Взгляд, которым он одарил бегущего, рука об руку с маленьким Дофу вундеркинда, стал еще более нежным и любящим.

Когда любишь человека, любишь и все, что с ним связано.

Сюй Дофу, преисполненный благородного и геройского порыва, дотащил обе сумки до самых ворот Юйесиньмэнь. Замерев на месте, он тяжело и шумно задышал. Даже не глядя, он впихнул сумку в руки маленького соседа и весело помахал ладошкой:

— До завтра! Завтра я принесу тебе молока. Пока-пока, Цзиньцзинь!

— До завтра, Сюй Дофу, — Янь Хуайцзинь, который тоже порядочно запыхался от этой пробежки, прижал к себе сумку и, помахав рукой на прощание, поспешил выйти за ворота.

И вот, когда Ван Юаньюань наконец нагнал его и взял из рук молодого господина оставшуюся сумку, он бросил на нее один беглый взгляд и обомлел:

— Молодой господин, вы перепутали сумки.

Сюй Дофу: «!!!»

Он резко обернулся и посмотрел на ворота Юйесиньмэнь — они уже с грохотом захлопнулись.

Это был сокрушительный удар грома среди ясного неба.

— Это что же получается... А? А?! А-а-а! — Сюй Дофу запрокинул голову к небу, готовый разрыдаться горячими слезами.

Он только-только поверил, что коэффициент сложности домашних заданий наставника Ху наконец-то снизился, и надо же было так оплошать — перепутать сумки! Тетрадь с записями Цзиньцзиня и его собственные учебники остались в руках маленького соседа.

А ведь завтра утром наставник Ху устроит выборочную проверку по заучиванию текстов наизусть...

Поначалу Сюй Дофу хотел было знатно завуть от тоски, мол, раз уж сама судьба так распорядилась, то и винить его в нерадивости никто не вправе. Но стоило ему вспомнить, как шестилетний Цзиньцзинь пыхтел, переводя для него заумные статьи, он понял: если он сейчас опустит руки и забудет на учебу, это будет верхом свинства по отношению к маленькому другу.

Мальчик тут же проглотил все свои упаднические мысли и решительно объявил:

— Сегодня я лягу спать пораньше, а завтра ни свет ни заря приду в школу. Должен успеть! Цзиньцзинь обычно приходит к семи часам. Дядя Ван, ты завтра обязательно разбуди меня как можно раньше!

За целый час он точно успеет переписать весь текст.

К тому же, сегодня он уже и так зазубрил немалую часть.

Тем временем в карете Янь Хуайцзинь тоже обнаружил, что прихватил чужую сумку. Однако открывать ее он не стал. Просто Сюй Дофу собирался в страшной спешке и не завязал тесемки как следует. Когда мальчик выходил из кареты, из сумки на пол выпал какой-то предмет. Янь Хуайцзинь лично наклонился, чтобы поднять его...

На сложенном в несколько раз листе бумаги красовался коряво нарисованный силуэт овцы.

Янь Хуайцзинь молча разглядывал рисунок. Сидящий рядом старший наставник Янь тоже скользнул взглядом по листу. Спустившись из кареты у ворот поместья, наставник тут же

обратился к управляющему:

— Есть ли у нас в закромах баранина? На ужин пусть приготовят баранину.

Слово автора:

Забыла сказать: Додо — самый обычный, “настоящий” ребенок.

Проект был переведен командой Sherekili Novels

<http://bllate.org/book/17727/1699708>